

в журавлей, то трудно рассказать, как необыкновенно странно и смешно было это все».⁴⁴

В. П. Адрианова-Перетц, исследовавшая литературные апологии пьянства «Праздник кабацких ярыжек» и «Калязинскую челобитную», пришла к мысли, что «на фоне этих литературных фактов особый интерес приобретает „всепьянейший собор“ Петра Первого. Как мы видим теперь, это не была индивидуальная затея, не имевшая корней в прошлом: задолго до Петра пьяницы оказались героями своеобразного „церковного“ чествования, сближавшего их с мучениками и преподобными. Оставив в стороне политическое значение церемониала посвящения папы всепьянейшим собором, мы не можем не признать, что внешняя форма этого церемониала почти целиком пародирует православные церковные обряды посвящения. Следует отметить при этом, что в петровской затее, несомненно, ощущается известный элемент непосредственной насмешки над самым сложным церковным обрядом: пародирование церковных возгласов и обрядов вряд ли было здесь только средством».⁴⁵

Закономерно будет, если мы вслед за В. П. Адриановой-Перетц будем рассматривать всешутейший собор как одно из самых острых орудий общественно-политической и литературной пародии. О том, как пародировались церковно-культовые тексты, может дать представление «Чин в князь-папы постановления»,⁴⁶ составленный, как и все уставы Всешутейшего собора, при самом деятельном участии Петра:

*О чине в князь-папы постановления и в епископы в неделю по крещении
января 10*

1

Повелено того дни жрецем, и всем прочим, неосвященного собора чинам съехатца на князь-папинский каменный двор, пополудни к 3 часу.

2

Когда все собрались в князь-папин дом, тогда в князь-папинской палате жрецы и другие достойные сели на своих местах. Тогда посланные по новоизбранного от всего собора ключарь старой, да кардинал протодиакон и из уединенной его палаты ввели его почтенно в собранную палату. Пред ним несли две флаги, наполненные вином пьянственнейшим, едина фляга позлащенная, другая высеребряна, и два блюда, едино со огурцами, другое с капустою. Поставили перед его кесарским величеством на изрядно посланном аксамитном луховском ковре.

---

⁴⁴ Ф.-В. Берхгольц. Дневник камер-юнкера. М., 1858, ч. II, стр. 47—52.

⁴⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 57—58.

⁴⁶ ЦГАДА, Кабинет Петра, ф. 9, оп. 1, № 67, л. 44—46 об.